

Золотое колесо

Ирина Истратова

Даже ясными осенними вечерами здесь сумрачно. Солнце ложится на соседнюю крышу, чтобы взять под прицел фасад нашего дома, но тщетно — подвальное окно офиса не простреливается. Здесь темно, как в склепе. Здесь водятся чудовища.

Люблю сидеть в темноте и слушать, как наверху разбиваются об асфальт дождевые капли. Фиолетовые вспышки молний отражаются от голубого кафеля на стенах приямка, от застекленных полок с документами и полированных столешниц пустых столов. Как раз успеваешь разглядеть, что у подставки для карандашей крокодильи челюсти, а у настольной лампы — костяная рука.

На самом деле ночью работать в офисе не страшно. Клиенты наши, конечно, маньяки, но не опасные. Просто благоприятное время для оформления заявки они вычисляют по звездам. Но это им мало помогает. Нашему патентному бюро удалось зарегистрировать лишь одно изобретение из области астрологии, да и то не как «Способ предсказания судьбы», а как «Способ и устройство генерации псевдослучайных чисел».

Вы, наверно, догадались по нашему названию: мы специализируемся на велосипедах и вечных двигателях. Нормальная работа. Изобретатели вечных двигателей порой сами не понимают, что изобрели на самом деле. В результате мы получаем для них патент на механический аккумулятор или даровой генератор. А один вечный двигатель мы зарегистрировали как «Игрушку "Вечный двигатель"».

Я надела очки, придвинула блюдце с печеньем и открыла документ, вложенный в электронное письмо. Когда читаю: «Способ воздействия на организм человека», мне хочется что-нибудь погрызть. Так обычно называют заявки из области биорезонанса или акупунктуры. Самая неприятная категория изобретений. Хорошо, если автор предлагает воздействовать на биологически активные точки «особыми полями» или «тонкой энергией». Сразу ясно: лженаука. А если ультразвуком или электричеством? Не очевидно, почему это не будет работать. Организм человека еще слишком плохо изучен...

Нет, тут не альтернативная медицина, тут вообще черт знает что. В разделе «Уровень техники» — экскурс в историю Древнего мира и описание кровавых обрядов. Виталий Афанасьевич Лазарев, который записался на консультацию в одиннадцать вечера, как никто похож на маньяка.

Ладно, если вдруг что-то серьезное, то у меня в сумочке газовый баллончик. А в вестибюле дежурит Женя. Он тоже студент и работает охранником в ночную смену. Женя — красавчик. Нет, это я с досады так говорю. Женя просто красивый. Представьте себе безупречные черты античной статуи, оживленные человеческим чувством. Когда Женя читает конспект, его опущенные ресницы и легкая складка между бровей прекрасны. Я вхожу и наблюдаю, как он медленно выныривает из своей совершенной сосредоточенности, поднимает глаза и, узнав меня, улыбается. Эти короткие мгновения на проходной для него не значат ничего, а я словно превращаюсь в канал высокой пропускной способности, по которому Женин образ в мельчайших деталях передается в мое сердце. Я пе-

реполняюсь им на целый день и, кажется, большего просто не выдержу, умру.

На большее не стоит и надеяться. В минуту отчаяния я говорю себе: пора сесть на диету, перестать носить очки и влюбиться в кого-нибудь, кто мне пара. К примеру, в одного из приличных молодых людей со странностями и ранними залысинами — тех, с которыми мама знакомит меня через своих подруг. Нет, ни за что! Лучше я надену очки и буду любоваться тем, кто мне нравится.

Я с ним никогда не заговорю. Не хочу выяснить наверняка, что у нас нет ничего общего. Он изучает право, а я физику. Это безнадежней, чем Монтеки и Капулетти.

Я работаю в юридической фирме временно. Не из-за денег, хотя платят неплохо, а ради тренировки мозгов.

Несколько лет назад я стала замечать тревожные симптомы. Чем дальше, тем мне становилось сложнее изучать что-то новое. Я стремилась схитрить и пройти по верхам: не вникала в доказательства теорем; в научных статьях сначала пропускала формулы, потом смотрела сразу выводы; за успехами науки следила, читая популярные журналы. И если мне предстояло разобраться в незнакомом вопросе, я испытывала уныние и даже ужас.

Обычно я игнорирую свои недостатки. Но разум, приходящий в упадок, — это намного серьезней, чем лишние килограммы на талии. Негодный инструмент для будущего ученого. А что, если меня разоблачат? Вдруг я приму за чистую монету одну из тех бессмысленных статей, которые пишут программы и которые рассылают в журналы и на конференции, чтобы протестировать их уровень? Страшный, страшный позор, хуже, чем голышом на улицу.

То, что со мной происходит, это не маразм, конечно, просто лень и отсутствие тренировки. Значит, надо тренироваться. Чтение рецензируемых журналов не годится именно потому, что написанному там можно доверять. Нет, я стану, подобно Демосфену, упражняться с камешками во рту. Вдобавок мне нужен дамклов меч, который не позволит расслабиться и передумать.

Вот так я и устроилась экспертом в патентное бюро «Золотое колесо».

— Надежда Викторовна, — раздался Женин голос по интеркому, — к вам господин Лазарев.

— Женя, скажите ему, пусть спускается.

Виталий Афанасьевич вошел весь в черном, здороваясь на ходу и заталкивая в карман черную вязаную шапочку. Повесил на вешалку черную куртку и зонт (странно, если б не черный). С зонта капало.

На вид Лазареву было лет тридцать пять. Обыкновенное лицо, без отблеска сверхценной идеи. Чуть обозначил рукопожатие и сел напротив, сдержанно улыбаясь.

— Будете чаю? Кофе?

— Спасибо, чаю, без лимона.

— Печенье?

— Нет, спасибо. Надежда Викторовна, вы смотрели черновик моей заявки?

предлагаю использовать клыки? Только медицинское оборудование: датчики, дефибриллятор, аппарат ИВЛ.

— Частности! — не сдавалась я. — Способ превращения человека в вампира непатентоспособен уже потому, что противоречит принципам гуманности и морали.

— Почему?

— Неужели не очевидно? Потому что вампир — живой мертвец, который питается кровью людей!

— Живой мертвец — это оксюморон, — фыркнул Лазарев.

— Мы не мертвее вас. И кровь нам нужна не больше вашего.

— То есть кровь вы не пьете?

— Не испытываем потребности. Подозреваю, что от вашей крови мне станет хуже, чем от вашего печенья.

— Кстати, не желаете еще чаю?

— Да, спасибо, без лимона. Вообще-то вопрос непростой. Я имею в виду, пьем ли мы кровь. У нас есть ритуалы, связанные с кровью. Как и у людей.

— У людей?... А, причастие, брудершафт. Ясно. А какие ритуалы у вас?

— Те же, но ближе к их первоначальной форме. Мы — маленькое замкнутое сообщество косных индивидов и сохранили больше пережитков, чем вы. Плюс обряд превращения. Но и здесь кровь имеет лишь ритуальное значение. А суть в том, что серьезная кровопотеря вызывает терминальное состояние. Эти самодовольные ослы не понимают, что они делают и зачем! Можно ведь избежать травм и обойтись без риска для жизни.

— А что, не всегда получается?

— У них? Хорошо, если один раз из ста.

— Значит, вампиры все-таки убивают людей.

— Теперь в этом нет нужды. Мой способ безопасен. А если кто-то захочет продолжать в прежнем духе, то пусть к нему применяют уголовное право, а не патентное.

— Так что выходит: вампиры не питаются кровью и на солнце не сгорают, а обгорают. Клыки есть?

— Самые обыкновенные. — Лазарев широко улыбнулся. — У человека отличный набор зубов и мощные челюсти.

— Нужно ли вам приглашение, чтобы войти в чужой дом?

— Мы только этим и занимаемся: входим в дома и берем, что нравится. А как еще добывать средства к существованию?

— Можно работать в ночную смену.

— На заводе? Мы ведем ночной образ жизни на протяжении тысячелетий. Не мертвые, но испорченные.

— Превращаетесь в летучую мышь? Обладаете сверхчеловеческой силой? (Нет, не стоило и спрашивать.)

— Мы обычно сильнее людей. Наша физиологическая норма более размыта. Можно сместить траекторию далеко от среднего.

Беседа все больше напоминала сцену из книжки или фильма про вампиров. Творческие люди не могут смириться, что тема вампиризма исчерпана миллион страниц тому назад. Они злятся на предшественников, стараются их опровергнуть и выдать действительно оригинальные сведения о вампирах. Например: «Вампиров можно убить не только осиновым колом, но и ножкой табуретки» или «Вампиры не сгорают на солнце, а флюоресцируют, как фальшивые купюры в ультрафиолете». И даже так: «На самом деле это люди пьют кровь вампиров!»

Далее по сценарию идет предъявление доказательства. Обычно это весьма неприятно: вампир хватает человека за горло и поднимает его в воздух на вытянутой руке.

— Покажите мне что-нибудь такое, на что не способен человек, — попросила я.

— А нельзя обойтись без этого?

— Так вам будет проще всего меня убедить.

— А потом поехать с вами в Роспатент и повторить демонстрацию?

— Ах да! Вы не можете выходить на улицу днем.

— Не только в этом дело. Мое изобретение должно выглядеть несколько... несерьезно. Как одно из тех бесполезных и безобидных изобретений, на которые вы обычно получаете патенты.

Виталий Афанасьевич улыбнулся — словно вставил смайлик в обидный текст — и продолжил:

— Сможете представить мое изобретение в таком виде? Не хочю, чтобы его засекретили.

— Конечно, — сказала я. — Например, давайте напишем, что оно относится к экспериментальной медицине и может быть использовано для проверки вашей гипотезы о втором устойчивом состоянии. Не на людях, разумеется, а на крысах или кроликах.

Лазарев нахмурился и посмотрел на меня долгим взглядом. Мне снова стало не по себе.

— Я сказал, что это моя заявка должна выглядеть несерьезно, но рассчитывал на ваше ко мне серьезное отношение, Надежда Викторовна, — наконец произнес он и поднялся со стула. — Ладно. Я покажу вам кое-что.

На всякий случай я набрала на клавиатуре условленную комбинацию. Действие, которому посторонний не придаст значения, а между тем это сигнал для Жени. Он спускается, входит и спрашивает: «У вас все в порядке, Надежда Викторовна?» или вовсе нейтральное: «Надежда Викторовна, у нас кипяток есть?» Женя ростом метр девяносто, форменная куртка красиво облегает его торс, и ремешки на карманах так и топчутся. А на поясе у Жени электрошокер. Женя берет чайник и уходит, и прерванная беседа продолжается в мирном ключе...

Лазарев подошел, одной рукой оперся о стол, другой оттянул вниз высокий ворот своего черного свитера. Блеснули звенья золотой цепочки.

— Приложите пальцы к сонной артерии.

Я откинулась на спинку кресла и попыталась отъехать подальше назад. Он поймал мою руку и прижал к своей шее. Я сперва ничего не почувствовала. Очень редкий пульс — примерно раз в пять секунд.

— Ну как? Бывает такое у человека или нет?

— Необычно... Не знаю, честное слово... Я проверю. Если это не фокус.

Биение под моими пальцами вдруг резко участилось. Лазарев одним движением отбросил мою руку и сдернул с шеи цепочку. Стремительно отступил на шаг. Цепочка обмоталась вокруг его запястья, и на ладонь упала черная флэшка. Дверь распахнулась, и Женя стал свидетелем невинной картины: изобретатель передает материалы эксперту.

— Надежда Викторовна, у вас все в порядке?

— Да, да. Спасибо.

Сердце стучало, точно телеграфный аппарат, отбивающий запоздалую телеграмму. Что бы мог подумать Женя? И с какой стати я об этом волнуюсь...

— Спасибо, — сказала я, когда Женя ушел.

— Не за что. — Виталий Афанасьевич положил флэшку на стол. — Как раз собирался отдать вам материалы.

— Тридцать два гигабайта?

— Большую часть занимают результаты вспомогательных вычислений. Программа, управляющая медицинской аппаратурой, должна работать в реальном времени, поэтому я заранее просчитал управление на модели для ключевых участков траектории.

— Так вы создали компьютерную модель физиологии человека? И она предсказывает второе устойчивое состояние? Что ж вы мне голову мистикой-то морочите? Это же научное открытие. Скорее публикуйте результаты, и на черта вам патент! Вы, может, Нобелевку получите.

— Нет, все ровно наоборот: моя модель неплохо предска-

зывает нормальные физиологические процессы. Если вам интересно, Надежда Викторовна, там есть статья на эту тему... Немного увлекся. Спрашиваете, зачем патент? Буду продавать лицензии.

Оригинально. Обычно наши клиенты вешают его в рамочке на стену.

— Хочу получить деньги за что-то хорошее, — сказал Лазарев. — Звучит неромантически, да? Думаете, такую штуку, как бессмертие, человечеству можно только подарить? Я бы с радостью, но не вижу реальной возможности. Знаете, сколько стоит реанимационная аппаратура? Бессмертие будут продавать. А хотите за бесплатно? Нет, правда хотите? Это можно устроить.

— Виталий Афанасьевич, я, в принципе, не против. Думаю, наука уже скоро что-нибудь придумает. Генетика, нанотехнологии...

— Надежда Викторовна, — сказал Лазарев с иронией, — наука уже придумала. Ладно, давайте так: вы изучите материалы и в следующий раз мы поговорим серьезнее.

Идти домой рано — троллейбусы еще не ходят. Преодолев неохоту, я вставила флэшку в компьютер и открыла папку со статьями. Ну почему я не чувствую радостного возбуждения? Ведь это в худшем случае талантливая мистификация, так разве не увлекательно ее разоблачить?

Статьи Лазарева были напечатаны в ведущих мировых журналах по кибернетике. И одну из них я когда-то пыталась читать. Я тогда моделировала одно физическое явление, и мне надо было понизить размерность системы дифференциальных уравнений. Но в той статье проблема была формализована как-то странно. Непривычный угол зрения, и к тому же на английском языке. Короче говоря, я не осилила. Ой, как стыдно.

Проклятая умственная лень! По-своему спасительный инстинкт, не позволяющий растрчивать силы попусту. Ведь невозможно подвергать сомнению все подряд: проверять просто не хватает времени. Самый добросовестный и трудолюбивый исследователь вынужден полагаться на импакт-фактор и индекс цитирования.

Согласно этим цифрам к В.А.Лазареву следует относиться серьезно. Может, зря я отказалась от его предложения? Получить вечную жизнь и к тому же сверхчеловеческую силу... Впрочем, насчет последней Виталий Афанасьевич что-то темнил. Наверно, он имел в виду потенциальные возможности — значит, все равно придется заниматься спортом. Да ну, не буду. Интересно, а умственные способности тоже возрастут, хотя бы потенциально?

Кровь пить не обязательно — выходит, никаких серьезных аргументов «против»... Я схватила печенью и захрустела — так мне лучше думается. Прощайте, печенюшки! Господи, о чем я печалюсь? У меня никогда не будет детей, потому что у вампиров не бывает детей. Или это литературная традиция? Нет, Лазарев тоже говорил что-то в этом роде. Да какая мне разница! Я все равно останусь старой девой.

Придется спать днем и бодрствовать ночью? Отлично! Я сова, мне эти ночные дежурства в бюро на самом деле очень даже нравятся, хоть я не подаю виду и требую сверхурочных, а вот приходиться в универ к первой паре — сущее мучение. Ой! А как же учеба? Нет, сначала надо окончить университет и аспирантуру.

Будильник в мобильном телефоне пропищал пять. Я бросила флэшку в сумочку и на цыпочках поднялась по лестнице. Женя дремал с конспектом на коленях. Полюбуюсь немного, прежде чем уйти. За окном по-прежнему мрак и ливень. Я пригляделась... Кажется, там кто-то есть! Кто-то стоит на улице за дверью. Я развернула к себе Женин дисплей, чтобы посмотреть через камеру.

— Что? — Женя вскочил, уронив на пол тетрадь. — Надежда

Викторовна, вы уже уходите?

Никто не прячется в темноте. Ну кто там может прятаться? Чудовищ не существует. Поэтому, да, я уже иду.

— Надежда Викторовна, вы без зонтика? Возьмите мой.

Нет, там в темноте кто-то есть. И мне страшно. Женя, пожалуйста, проводи меня до дома! Я столько раз репетировала в мыслях эту сцену, что теперь непременно сфальшивлю.

— Спасибо, у меня куртка с капюшоном. До свидания, Женя. Темная вода омывала нижнюю ступень крыльца, гудела в водостоках. Ничего, надо только завернуть за угол, и там рукой подать до освещенной улицы... Блеснула молния, высветив черную фигуру с зонтом.

Да это же Виталий Афанасьевич! Напугал до полусмерти. Наверно, вспомнил что-то важное, когда уже вышел из бюро. Постеснялся вернуться и стал дожидаться меня на улице. Наши клиенты часто так поступают.

Только зачем он натянул на лицо свою черную вязаную шапочку? Прямо как налетчик. Или это не Виталий Афанасьевич? Я осталась одна. Человек в черном молча шагнул навстречу. Я бросилась назад.

Страшной силы рывок сдернул с меня капюшон, завязки врезались под подбородок, и земля ушла из-под ног. Я повисла в куртке, словно котенок в стянутой к загривку шкурке. Человек в черном повернул меня лицом к себе. Согнул руку, поднес ее поближе, разглядывая сквозь прорези маски холодными, незнакомыми глазами. В другой руке он, как ни в чем не бывало, держал зонт. Вода капала со спицы мне на лицо.

— Молчи и слушайся. Пойдешь со мной.

Он опустил меня на землю и повел, придерживая за капюшон. В подворотне стоял длинный черный автомобиль с тонированными стеклами. Похититель втолкнул меня на заднее сиденье, так что я больно ударила локтем о противоположную дверь, и сел рядом. Сгреб на лоб черную шапочку, открыв узкое, костистое, злое лицо. Скомандовал:

— Руки перед собой.

Я покорно вытянула руки. Меня охватило безразличие. Сидела, как истукан, и даже почти не боялась. Через кресло перегнулся водитель и стянул скотчем мои запястья. Он был в черной водолазке и черной шапочке. Бледное рыхлое лицо, обиженно опущенный угол рта. И черный фингал.

Злой вытряхнул на сиденье содержимое моей сумочки и принялся рыться в вещах. Костяшки пальцев у него были сбиты.

— Бумаг нет, — сказал он недовольно. — Ни у Лазарева, ни у девчонки.

— Учитель, — почтительно произнес Обиженный, — давайте посмотрим в офисе.

Злой раздраженно швырнул на пол мое зеркальце.

— Там охранник! Пока я буду ломать дверь, он вызовет милицию.

Обиженный повернулся ко мне, презрительно окликнул:

— Эй, ты! Кто еще в офисе, кроме охранника?

— Н-никого...

— А неплохой расклад, учитель! Выманю охранника на улицу, отберем ключи, тихо войдем и возьмем бумаги. Пусть девчонка позвонит ему и скажет... гм... что шла через подворотню, подвернула ногу и ей нужна помощь.

— Вздор! — хмыкнул Злой. — Как она позвонит, если упала и не может встать?

— Что не так, учитель? — забеспокоился Обиженный. — А! Она позвонит по беспроводному телефону. У нее наверняка есть. У тебя ведь есть мобильник? Отвечай!

— Да, да.

— Хорошо, — решил Злой. — Ты! Бери телефон и набирай номер.

— Дайте лучше я, учитель. А то ей неудобно. — Он выхватил мобильник из моих стянутых скотчем рук.

ФАНТАСТИКА

— Диктуй номер, — приказал Злой.

— А не надо, — сказал Обиженный, бойко нажимая на кнопки, — он записан внутри телефона. Заодно обойдемся без сюрпризов...

— Не стоит волноваться, ученик, — процедил Злой. — Если она попробует что-нибудь выкинуть, я ей голову откручу. — Он схватил меня пальцами за подбородок и медленно повертел голову из стороны в сторону. — Вот так, только очень быстро, поняла!

Обиженный приложил трубку к моему уху и скороговоркой напомнил:

— Поскользнулась в подворотне, болит нога, помогите, пожалуйста.

— Патентное бюро «Золотое колесо», — раздался Женин голос.

— Женя...

— Надежда Викторовна? С вами все в порядке? Пальцы на подбородке напряглись.

— Да! — поспешно сказала я. — То есть нет. Не совсем. Женя, помогите, я в подворотне, я... Я подвернула ногу. Простите меня...

— Надежда Викторовна, я сейчас! Только дверь запру и приду. Обиженный нажал отбой и победно улыбнулся.

— Ладно, — кивнул Злой как бы еще в сомнениях. — Следи за девчонкой, а я пойду встречу охранника.

Господи, что я наделала? Натравила на Женю это чудовище! А если Женю убьют?

— Стойте! — закричала я. — Документы не в офисе!

Злой схватил меня за воротник и потянул к себе. Я выставила вперед связанные руки — они согнулись, как пластилиновые.

— Интересно, а где же? — прорычал он мне в лицо. У него были золотые коронки в виде вампирских клыков.

— На флэшке. Лазарев дал мне флэшку.

— Учитель, учитель! — торопливо сказал Обиженный. — Это может быть правдой. Флэшка — это в его стиле.

— Очередная современная штуковина? — с отвращением предположил Злой. Встряхнул меня и указал на сиденье, где валялись вывернутые из сумочки вещицы: — Ну? Которая тут флэшка?

— Вот эта. Маленькая, черная. Смотрите! — выпалила я. И выпустила ему в лицо струю из газового баллончика.

Он взвыл, зажмурился, отшатнулся. Вскинул руки к лицу и упал на пол, скорчившись и нагсадно кашляя. Лицо покрылось красными пятнами, руки раздулись, как резиновые перчатки. У меня запершило в носу, в горле, по щекам покатались слезы. Надо было заранее закрыть глаза и задержать дыхание, но я боялась, что вампир что-то заподозрит и успеет среагировать.

Я почти ослепла от слез, но, не отпуская кнопки, наугад навела баллончик на водителя. Он ударил меня — тоже вслепую, вскользь. Баллончик вылетел и упал на пол. Кашляя и заливаясь слезами, водитель нажал на кнопку, чтобы опустилось стекло. Я дернула ручку двери — тщетно. Он схватил меня за плечо, за волосы, нащупал горло и сдавил обеими руками. Из окна потянуло сырой свежестью, но я никак не могла вдохнуть.

Синяя молния с треском разорвала застилающую глаза темноту. Вампир закричал, задергался и разжал пальцы. Женя еще раз ткнул в него шокером, распахнул дверь, подхватил меня на руки и бережно вынес из машины.

— Надя! Что с тобой?

— Помоги освободить руки! — просипела я. — А этих нужно связать, пока не пришли в себя. Скорее!

Я схватила с полки для перчаток скотч, сунула его Жене. Выдернула ключи из замка зажигания и кинулась к багажнику. Лазарев лежал там — обмотанный скотчем, как мумия. С черным мусорным мешком на голове. Безнадежно... Бедный Виталий Афанасьевич!

Или это не Виталий Афанасьевич? Я разорвала мешок. Разбитое лицо под коркой засохшей крови было едва узнаваемо. Я заплакала.

И вдруг его веки дрогнули. Он вздохнул и закашлялся, сплевывая кровь. Мы с Женей вытащили его и усадили на кресло в салоне машины. Пока я вспарывала скотч ключом, Женя достал мобильник и набрал номер.

— Не звоните в милицию, — опередил Лазарев.

— Почему?

— Будут неприятности. У всех.

— Вы бандиты, да? — Женя взглянул с враждебным любопытством, но дал отбой. — Ладно. Уезжайте и никогда здесь не появляйтесь.

— Женя, не надо так! Виталий Афанасьевич ни при чем.

— Надежда Викторовна, — вздохнул Лазарев, — я виноват. Подверг вас опасности. Но я это исправлю.

— Что вы задумали?

— Позабочусь, чтобы эти двое вас больше не потревожили. Снова такой взгляд, что холодок по коже.

— Как вы можете? — воскликнула я. — Не делайте этого, ведь...

Аргументы в защиту моих обидчиков не шли на ум. Меня трясло от злости и запоздалого страха. Сама бы их убила — за то, что они со мной делали и угрожали сделать. Но не попустительствовать же расправе!.. Наконец сказала:

— Один из них — ваш знакомый.

— Этот? Он — доброволец для опытов, нашелся по Интернету. Откликнулся на объявление «Обращу в вампира».

— Меня обманули! — раздался обиженный голос с заднего сиденья. — Обещали суперсилу. И где?

— Надо было заниматься спортом, — отрезал Лазарев. — Надежда Викторовна, они не оставят вас в покое. Они же считают себя избранными. А если мы доведем дело до конца, они станут как все. Их не переубедить и не смягчить всепрощением. Единственный выход... ну, вы поняли.

— Тогда... превратите их в людей!

— В людей?

— Ну да. Переход ведь обратим?

— Черт возьми, — ошеломленно пробормотал Лазарев. — Перевести организм обратно в основное состояние? На первый взгляд теоретически ничего невозможного. — И он погрузился в размышления.

— Надя, не слушай этих бандитов, — сказал Женя. — И не бойся ничего. Я буду тебя защищать.

Мы шли по пустынным улицам. Женя, сверкая глазами, в пятый раз рассказывал, как он спас меня от вампиров. Мимо проезжали освещенные изнутри троллейбусы и сердито хлопали дверями на остановках.

